

В фильме Никиты Михалкова «Раба любви» есть такой эпизод. Режиссер (А. Калягин) и продюсер (О. Басилашвили) в расслабляющей южной жаре вспоминают среднюю полосу России, где нет этого буйства красок, где совсем иной уклад жизни. Герои вспоминают, как снимали один из своих фильмов. Собственно, вспоминает и говорит герой Басилашвили. Он же в кадре. Почти незначащие фразы. Обрывающиеся, повисающие в воздухе. Незавершенные мысли вслух. И рефреном слова: «Средняя полоса...» Вроде бы проходной эпизод. Еще и событий впереди достаточно. Еще многого о героях фильма мы не знаем. Но, странным образом, именно с этого эпизода мы начинаем понимать, ради чего и о чем этот фильм.

И конкретные образы фильма, в чьих экранных биографиях так отчетливы факты биографий действительно существовавших людей, соединяются в символический образ русской интеллигенции начала века, образ трагического звучания. С этого эпизода в самих героях и в нас, зрителях, поселяется предчувствие чего-то непоправимого. Истинная драма, а не та, что разыгрывается героями «Раба любви» на съемочной площадке, еще не обрушилась на них. Но уже зависла над ними, пометила их своей тенью. Еще не расставшись с Родиной в своем светливом бегстве от нее, они уже ощущают в себе ностальгию, от которой не излечатся ни на шумных восточных базарах, ни в маленьких парижских бистро...

Вот так один из образов фильма — один из многих и далеко не центральных — становится в этой необычной по своей стилистике картине своего рода точкой отсчета морального краха многих человеческих судеб.

А герой Басилашвили — до сих пор чуть-чуть пародийный, совершающий столько стремительных передвижений в кадре, этакая ветряная мельница в человеческом обличье — входит в нашу память именно таким: словно впервые открывающий значимость того, что стоит на самом деле для него за словами «средняя полоса России...»

Актёр, способный к мгновенным сменам настроений. Не внешних, когда смех соседствует с грустью или наоборот. А более тонких, более глубоких, прочитываемых где-то в уголках души, отразившихся в глазах. Да,

народный артист РСФСР Олег Басилашвили именно такой актер. Мыслительный аппарат его некоторых героев настолько подвижен, что изменчивы не только душевные состояния, но сам процесс мысли, за которой должно последовать действие. Его Джингл в постановке БДТ «Пиквикский клуб» за одно сценическое мгновение продумывает столько вариантов действия, что другому характеру их хватило бы, пожалуй, на сутки. И это значит, что Баси-

шел день — узнали в главном его качестве: актера театра. Актера крупного, смелого в своих творческих экспериментах, неординарного и очень самобытного. Мы увидели его в очень разных и жанрово и режиссерски решенных спектаклях. Если не подводит память, двадцать два раза за этот месяц выходил он на сцену театра оперы и балета Латвийской ССР в спектаклях БДТ. Но, оказывается, есть еще один Басилашвили.

лашвили владеет своим актерским инструментарием в совершенстве. А что он сам думает о типах актерской игры, живании в образ и проживании в этом образе в течение всего сценического времени?

— Есть актеры, настолько входящие в характер своего персонажа, что можно говорить о своего рода переселении душ. Есть иной тип. Скажем, такой: актер подчиняет себя той задаче, которую он сам поставил перед собой или перед ним поставил ее режиссер, но подчиняет себя не только эмоционально, но и благодаря высокой профессиональной технике. Что ближе вам?

— Возможно, я вас и разочарую, но мне интересен второй. Попробую объяснить, почему. Во-первых, актер физически не может «переселяться» столько раз, сколько ролей в его репертуаре. Во-вторых, не следует за профессионализмом видеть нечто убивающее творчество. Профессионализм необходим в любом деле, а значит, и в нашем. И означает он прежде всего точное и осмысленное владение своим инструментарием — голосом, мимикой, жестом, равно как и душевными состояниями. Театр — это прекрасно. Это праздник. Это творчество. Но ведь, согласитесь, это еще и работа.

Мы знали Олега Басилашвили — киноактера. При-

шлось знакомство состоялось на одной из бесчисленных встреч актеров БДТ с рижскими зрителями. Полтора часа экранного времени — это действие, происходящее на экране, это темный зал, это определенная зависимость зритель от интриги ленты, сюжета, жанра. Два часа театрального действия — это особая настроенность перед тем, как начнется спектакль, вновь заинтересованность сюжетом, развитием действия, игрой многих прекрасных актеров, самой сценой. А что такое полтора часа с глазу на глаз с людьми, пришедшими увидеть актера, услышать его, поговорить с ним?

Решительность. Деловитость. Доброжелательность.

Таким был выход Басилашвили на разговор со зрителями. Таким был выход, обернувшийся тем, что мы уже привычно называем театром одного актера. Но неожиданного, потому что актер никаких ролей не исполнял, кроме одной — рассказчика. Умного, доброго, остроумного и насмешливого, увлекающегося и увлекательного слушателя.

В небольшом зале Дома знаний ждали, что он будет рассказывать о себе, о своих ролях, сыгранных в театре и в кино, о своих представ-

лениях об искусстве, своих привычках и привязанностях. А оказалось, что всего этого Басилашвили просто не умеет. Зато ему дано удивительно тонко, без какой-либо экзальтации, субъективизма в оценках говорить, а точнее мыслить вслух о своих коллегах. И зрители, пришедшие на встречу с полубившимся им актером, словно встретились еще с десятком других интересных, глубоких, талантливых людей — тех, с кем Басилашвили работает в своем театре уже много лет, с кем работает над фильмами.

О режиссуре БДТ, о его актерах мы говорим прежде всего как о явлении, имея в виду, что этот коллектив чаще всего обещает нам не привычное зрелище, а сугубо свое прочтение и классики, и современной драматургии. Каким бы оно ни было — приемлемым нами безоговорочно, вызывающим острые споры, а кем-то, возможно, и отвергаемым — оно всегда будет «в духе» БДТ. Со словом «академический», какое стоит в официальном названии этого театра, всегда соседствует еще одно — не официальное — определение: экспериментальный. И вот этот характер экспериментаторства открылся в Басилашвили еще раз, когда он читал стихи.

Хрестоматийные. Тысячи раз читавшиеся со сцены. Стихи Маяковского. Басилашвили читал их, создавая в каждом бездну неожиданных для нас образов. Емких, осязаемых почти физически, словно прорисовывавшихся своими контурами за спиной актера, рядом с ним, спускавшихся прямо в зрительские ряды.

...Утихли аплодисменты. Отданы последние цветы. Маленький зал опустел. А актер облачился в свою «гражданскую» одежду: плащ, клетчатое кепи, раздал цветы дежурным Дома знаний и вышел на улицу. И пошел через рижские скверы. Никто из проходивших мимо не оглядывался, не останавливался в радостном восторге, узнав знакомое лицо. Шел обычный человек. На удивление незаметный в толпе. А назавтра, в театре, публика аплодировала его очередному сценическому герою. Нет, аплодировала ему, артисту Олегу Басилашвили.

Т. ПОЖАРСКАЯ